4-й ГОД ИЗДАНИЯ № 26 ЦЕНА 15 КОП.

СМЕХАЧ

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

ИЮЛЬ Ленинград, Просп. 25-го Октября 88. Телефон редакции 5-49-78, конторы 1-38-90. 1926 ГОД

КАКОЙ ПРОСТОР, КАКАЯ ВОЛЯ!

В Тюменьском округе на 1 милиционера приходится площадь в 500 кв километров. («На посту»)

Рис. Л. Бродаты

— Эх, вижу, пьяный бузит! Да только, пока к нему приедешь — он уж второй день тверезый будет!

Рис. А. Радакова.

ЭКОНОМИЯ ДВИЖЕНИЯ

Лебедь, рак и щука—хором:

— Эх, дяденька Крылов! Впряг бы ты нас в этом возик с поклажей: Не очень бы покатался зав на казенной машине!

ЭКСКУРСИЯ В ДЕРЕВНЮ

Мысль об экскурсии в деревню возникла во втором классе 1-й ступени 15-й трудовой школы после того, как на одном из уроков естествоведения Зиночка Лопатина задала следующий вопрос:

— Анна Константиновна! Баран — это тоже козел или, нет?

Анна Константиновна сначала расхохоталась, потом пришла в ужас от такого „отрыва от масс“.

— Лопатина,—сказала она почти сурово, что до сих пор с Анной Константиновной, женщиной добрейшей души, никогда не бывало,—Лопатина, неужели ты никогда не видала барана?

Оказалось, что Лопатина никогда не видала барана.

— А козла не видала?

Оказалось, что Лопатина и козла никогда не видала.

— А ты, Стулова?

Но и Женечка Стулова, и Симочка Беренштейн, и Миша Краснов, и все остальные видали слона, видали львов, тигров, видали даже кенгуру, но барана не видали.

В зоологическом саду барана не было.

Анна Константиновна решила в ближайшее воскресенье устроить экскурсию в ближайшую деревню.

Тут же были собраны необходимые средства—по 30 копеек с учащегося.

В ближайшее воскресенье двинулись.

У первого домика остановились. Домик был крошечный, с крошечным садиком и с длинной предлинной скамьей у калитки.

На скамье сидел крестьянин средних лет и что-то стругал ножом. Дети обступили его. Симочка Беренштейн, самая шустрая в классе, спросила:

— Что, дяденька, делаете?

Крестьянин весело посмотрел на ребят и, подмигнув Анне Константиновне, ответил:

— Гусям запряжка!

Дети поняли, что он шутит, но никак не могли догадаться, в чем тут заключается шутка.

Только дочь москательщика Шура Байкова сразу, поняв в чем дело, серьезно сказала:

— Мы знаем, дяденька, что гуси не бывают живыми. Они бывают только битые.

— Как?!

Тут крестьянин вытаращил глаза. А Шурочка невозмутимо сообщала:

— Они бывают красные или мороженые. Их много, много в лавках. Но живыми гуси никогда не бывают, как бычки, или кетовая икра.

Анна Константиновна хотела что-то сказать, но в эту минуту из сарая выскочила курица, взлетела на забор и что есть силы закудахтала.

— Свежий петух! Свежий петух!— закричала Зиночка Лопатина: — Сейчас закричит кукареку!

Крестьянин покачивал головой и улыбался, но Анна Константиновна чуть не сгорела от стыда.

— „Не свежий петух“, надо говорить, а „живой петух“, — сказала она с досадой:—это во-первых. А во-вторых, это курица. Она только что снесла яичко и кудахчет. Такая у них привычка... То-есть, так уж у них заведено... То-есть, всегда так...

Она сбилась и еще больше покраснела.

— Из города? спросил деликатно крестьянин.

— Из города...

Краснея и немножко сбиваясь, Анна Константиновна объяснила цель экскурсии

Крестьянин одобрительно кивал головой, а когда кончила, сказал:

— Насчет смычки, значит. Что же, дело хорошее. Мы отчего ж? Пожалуйте.

Через несколько минут он спокойно объяснял:

— Вот это хлев, значит. А вот это, что срогами, значит, корова. И молочко в ней вот здеся, в вымени. Так, значит, уже всегда, что молоко в вымени, а не в другом месте. А вот это, значит, телка. Коровкина девочка. От нее и телятинка бывает, и ножки телячьи, и телячья печеночка. Все, значит, в ней телячье, потому и „теленок“ называется.

К сожалению, насчет барана и козла крестьянин не мог оказаться полезным.

— Не держу!—сказал он ласково:— Невыгодная скотина. А вы вот к Степану Мокрохвосту толкнитесь. Вон видите, зеленая крыша. Только не ошибитесь...

Последние слова были сказаны прямо Анне Константиновне.

— Не ошибитесь, товарищ - барынька. Ежели с бородой, то это козел. А ежели с закручеными рогами, да с шерстью, как, извините, у пуделя, то это баран. Ну, да он вам объяснит. Степан мужик хороший.

Степан, действительно, оказался мужик хороший. Он не только все объяснил, но и напоил детей молоком и кратчайшим путем проводил на станцию.

Анна Константиновна осталась очень довольна экскурсией.

И только под самый конец, уже в вагоне, Зиночка Лопатина опять огорчила ее, задав следующий вопрос:

— Анна Константиновна! Утка—это то же самое, что цыпленок?

В „ближайшей деревне“ были одни только куры.

О. Л. ДОр

О МЕЖДУНАРОДНОМ ПОЛОЖЕНИИ, О ПЛАВАНИИ НА ЛОДКАХ И О ПРОЧЕМ

(Доклад, сделанный на открытом воздухе)

Е. Надькин: Слово предоставляется т. Пруткову.

(*На лоно природы входит Ив. Прутков. Шумные аплодисменты*).

Прутков: Вот я, товарищи, не раз задавал себе вопрос, почему люди тонут, почему ежегодно, с открытием сезона и вскрытием морей и рек, начинается это планомерное утонутие граждан. Я спрашивал себя: чем руководствуются, из каких соображений исходят многочисленные утопленники, о которых приходится читать в газетах: „Вчера, катаясь на лодке, утонул такой-то“?...

Почему утонул? Зачем утонул? Куда утонул?

Заинтересованный разрешением этой загадки, я неоднократно ходил на берег, чтобы убедиться на месте происшествия.

И что же я видел? Да, действительно, картина рисовалась очень ясная. Вот, скажем, это—берег. Твердый, прочный— и стоишь ты на нем, и сидишь, и ходишь. Ничего такого— не тонешь. А вот дальше начинается вода. Ступишь на воду ногой—нога проходит скрозь, без точки опоры.

А почему? А потому, конечно, что вода есть жидкая и неустойчивая масса. Это — неоспоримо, и нет надобности долго останавливаться на жидкой воде. Перехожу на лодку, как необходимый предмет катания и утонутия граждан.

Я всесторонне рассмотрел больше полсотни этих предательских орудий смерти, поспорить с которыми может разве только дачное мороженое.

Да, товарищи! Главная причина смерти от катания состоит в лодках. Поэтому я позволю себе разобрать лодку целиком и полностью — с носа до пяток или кормы. Я думаю, что детальное ознакомление принесет пользу: чтобы бороться с эпидемией, ее нужно изучить.

Как всякая эпидемия, лодка бывает большая и маленькая.

Обратите ваше внимание в первую голову на маленькую. Маленькая, хотя и для глазу малозаметна, но очень она подлая. И недаром зовут ее: душегубка.

Ежели отбросить первую половину, как устаревший предрассудок насчет души, то останется *губка*. Название — не в бровь, а в глаз. Действительно, никакая даже первосортная резиновая губка не глотает воду так жадно, как эта поганая лодчёнка.

Познакомился я с одной такой, как же! Вот она, где у меня сидит—в затылке сидит! Забыть её не могу и позволю себе изложить её по существу.

Прихожу как то на берег. На берегу—столб, на столбе — цепка, а на цепке, замечаю, она самая. Пристально вглядываюсь, подошедши поближе. Да, действительно, лодочка!

В интересах изучения утонутия пробую столб. Крепко стоит. Осматриваю цепку — надежная. После чего спокойно становлю в лодку первую ногу, оставляя последующую на твердой земле.

Ничего—выдерживает. Тогда я, благословясь, уже берусь за вторую и последнюю ногу. И сразу оказываюсь в непонятном положении—ни на небе, ни на земле. Махаю руками и с криками: „Караул! Тоню!“ падаю на дно. Но, к счастью, в следующий момент замечаю, что это пока еще—дно лодки. И ходит это дно подо мной ходуном. Выждав полчаса, осторожно подымаю голову, чтобы выяснить обстановку и найти выход из положения. Лодка будто бы ничего — притихла. Тогда я пробую сесть, но тут левый борт моментально сигает к воде. Я за него рукой, чтобы удержать. Не тут-то было! Я опять ложусь на дно без дыхания, а лодка так и качается. Опять жду, пока ее, стерву, откачает, после чего начинаю новую попытку. На этот раз упираюсь руками в оба борта. Ничего. Успокоившись, но не спуская с нее глаз, пробую податься к берегу. Она ничего — позволяет. Но доползши на карачках до самого носа, эта стерва вдруг становит корму дыбом и я обратно—на дно. Лежу на дне, а с правого борта водой обдает. Одним словом, так бы я и утоп целиком и полностью, если бы не помощь с берега.

К вечеру сняли меня с лодки, в бесчувственном виде.

Спрашивается, разве не в этих лодках вся причина? Вы скажете, катайся на больших. Ах, какое заблуждение! Большая, действительно, крепче на ногах стоит, но у большой — другая сноровка: обязательно под пароход её тянет, и нет возможности удержать. Кричи, не кричи—она своё знает.

Однажды, мне всетаки пришлось встретить большую и вполне безопасную лодку. Таких бы побольше, и все несчастия, как рукой, сняло бы. Такую лодку я всецело рекомендую всем, кто обожает петь на вольном воздухе „Вниз по матушке“ или „Есть на Волге утёс“, без угрозы не воротиться на твердую почву.

Такая лодка находится на берегу, в трех саженях от воды. Дно пробито и травка насквозь растет. Но это неопасно — воды она не боится.

Интересующимся безопасным речным спортом я готов точно указать местонахождение этой лодки Смело можно сказать, что время отдыха, проведенное в ней трудящимся, никогда не приведет к печальной развязке.

А что касается водной стихии, то её всегда можно принести с собой—за рубль шестьдесят бутылка. Ибо известно, что катающие думают не столько о лодке, сколько о глотке.

(*Шумные аплодисменты и голоса природы: пенье птиц и коров*).

Итак, товарищи, мне остается осветить международное положение. Но, за поздним временем и окружающим потемнением, прошу считать вопрос освещенным. Чорт с ним, с Чемберленом! Желаю ему и впредь кататься на душегубке!

(*Море аплодисментов*)

ПО ЦЕНЕ И КАЧЕСТВО

Заглянул я к дяденьке Сысою,
Вижу — дядя в положеньи глупом:
Закусил хорошей колбасою,
Чуть поерзал — и свернулся трупом.

Услыхавши причитанья тетки,
Как безумный, я сорвался с места
И отнес колбасные ошметки
В магазин ближайший Пищетреста

— Так и так... Смотрите—это что же?
(Приступил я с кулаками к заву),
Дядя брал — которая дороже,
Вы же дали худшую отраву!

Но, спасая честь своей колбасной,
Зав ответил строго и зловеще:
„Совершенно, гражданин, напрасно
Говорите вы такие вещи“.

И, в-сердцах проткнув ножом сардельку,
Пояснил свою конкретно фразу:
„От дешевой — мучатся с недельку,
От хорошей — помирают сразу“.

Альми

НА УГЛУ

Рис. Б. А.

— А зачем это у всех мороженщиков адреса прибиты?
— Да верно для того, чтоб знать, с кого похоронное пособие получить.

ЗНАМЕНИТОСТЬ

— Семенова-то всякая собака, нужно сказать, знает!

— Чем же он так знаменит?

— Ничем он не знаменит! Просто растратчик он, ну все собаки угрозыскные его и знают.

КУРОРТНОЕ

— Пошел на пляж; живо рубашку и ботинки стянул, раз, два, три...

— И в воду?

— Зачем в воду? На толкучку.

ГОРЕ БЛИЗНЕЦОВ

Новорожденные близнецы. Один — другому:

— Ну и сволочь же ты, близнец, что родился и хлеб мой отбиваешь! Так я бы треть получал, а сейчас только шестую часть!

В ПАССАЖЕ

— Представьте, Марья Васильевна! Я сегодня во сне чулки видела!

— Да что вы! А почем за пару?

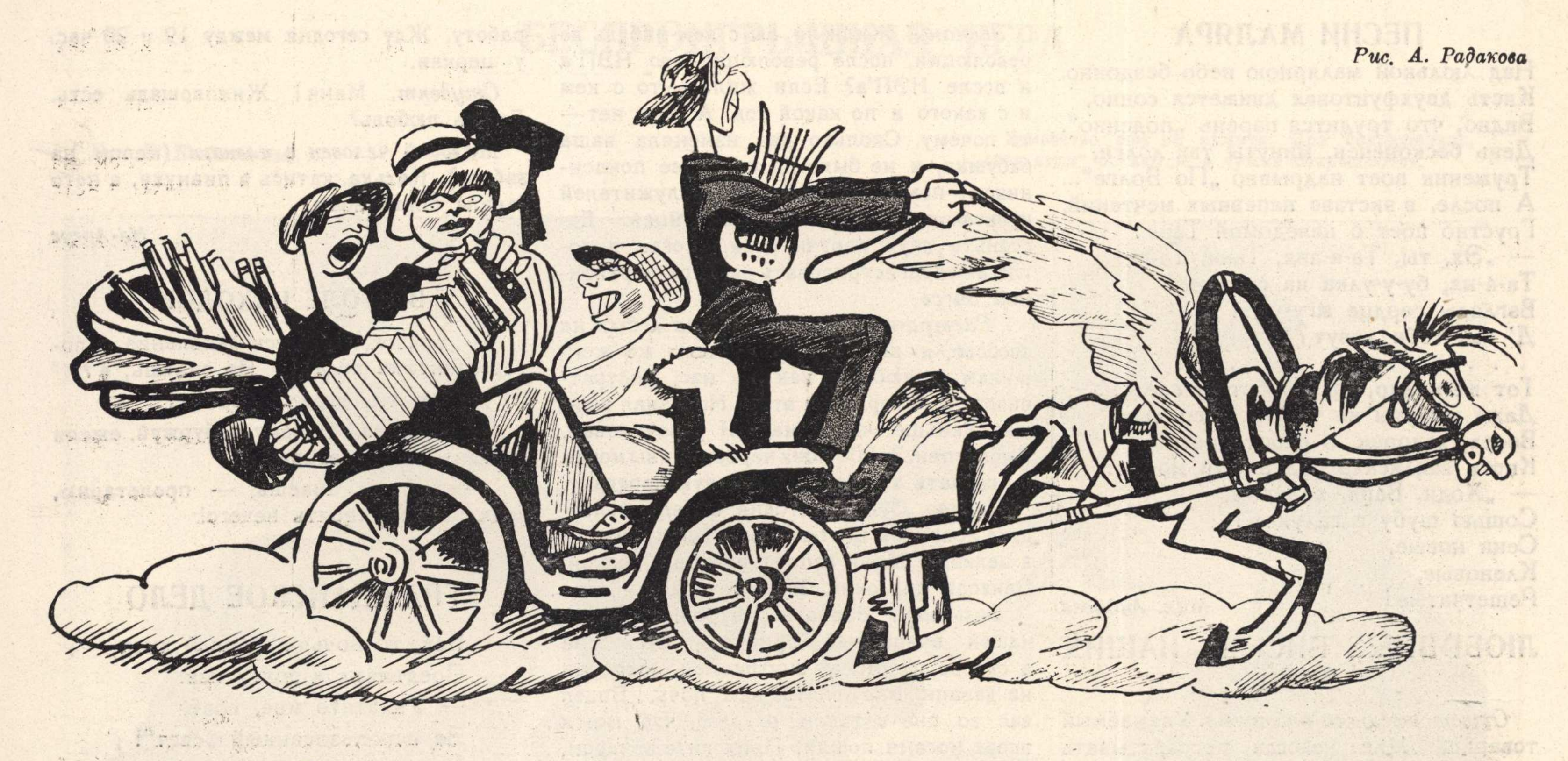
КОРНИ НАУКИ

Рис. Л. Бродаты

Карачеевское ОНО циркулярно предложило учителям отказаться от заработка за три летних месяца, для организации курсов по их переподготовке. (Из газет)

Рис. А. Радакова

ОТРАВЛЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК

В поле моего зрения Попляшихин попал как-раз в тот момент, когда я начал расплачиваться за папиросы: я поднял голову и увидел его около соседнего лотка.

Вел себя Попляшихин совершенно не так, как ведем себя все мы при покупке на улице папирос: он минуты три внимательно изучал весь лоток продавца, потом нерешительно выбрал три коробки затем погрузился в раздумье, переменил одну коробку и только после этого расплатился. И немедленно, как только он сделался бесконтрольным владельцем папирос, его лицо переменилось до неузнаваемости. Это было уже не лицо нерешительного и вялого покупателя папирос—совсем нет! Я увидел лицо человека, который только что поставил на карту казенные деньги и переживает последнюю секунду ожидания: „пан, или пропал"?

Он лихорадочно быстро распечатал первую пачку, высыпал на руку все папиросы, осмотрел их и застонал. Лицо передало отчаянье, боль, разочарование и скуку, а рука как-то особенно зло швырнула все папиросы в подворотню.

Вторая пачка—то же самое: жгучее ожидание и мучительное разочарование. Третья—то же самое.

Я подошел к нему.

— Попляшихин, что с вами?

— Это вы, Евграф,—устало спросил он,—здравствуйте.

— Что случилось? Стоило ли покупать три пачки только для того, чтобы выбросить их на улицу?

— А вы видели? Эээээх! Слушайте, почему мне так дьявольски не везет, скажите *почему?* Подумать только,—до двадцатого еще две недели, а я только что выбросил последние семь гривен...

Я взял его под-руку.

— Расскажите,—попросил я.

— Слушайте. Вот уже *три* месяца я болен. Три месяца голодает моя семья. Три месяца я ищу, ищу, ищу и не нахожу! Ну, спрашивайте же,—зарычал он,—спрашивайте, что я ищу?

— Что вы ищете?—немедленно отозвался я.

— Эту самую чертовку—скверную продукцию! Слушайте—это же смешно—у всех уже навязло это в зубах, никого уже не удивишь ни гвоздями в хлебе, ни заплесневевшими, или набитыми вместо табака бумагою папиросами, ни термометрами с запаянными в них мухами, ни косами, которые гнутся, ни карандашами, которые не пишут, ни газетами, которых нельзя читать, ни тканью, которая ползет по всем швам,—ну так почему же, почему же я разорился!

— Слушайте,—зашипел он,—за эти три месяца я купил в разных концах города 60 пудов хлеба, две тысячи пачек папирос, двадцать два термометра, четыре гросса карандашей и... и... и...

Он готов был заплакать.

— И ни разу я не нашел в хлебе даже таракана, даже такого пустяка, как обойный гвоздик, ни в одной сволочной коробке папирос не было ни одной подозрительной папиросы, все до одного мерзавцы карандаши хоть сносно, но писали, а в этих дьяволах термометрах не было ничего, кроме ртути! А эти „Известишки"! А эта „Прррррравда"! По пятидесяти номеров брал—на всех углах, во всех трамваях...

— Друг мой,—ласково перебил его я,—то, что вы говорите, совершенно невозможно. Вы просто чрезвычайно счастливый человек, которому...

— О, будь оно проклято, это счастье!—заревел он,—это счастье сделало то, что я три месяца хожу выбитым из колеи! Но чорт меня подери, я не успокоюсь! До тех пор, пока не найду хотя бы одного таракана, одну папиросу, одну муху, один карандаш, до тех пор я буду бегать, покупать, искать! Но я найду, я найду! Слушайте,—переменил он тон,—может быть, вы счастливее меня,—в этом кооперативе продают мороженое. Заплатите за меня!

— Что вы, что вы!—испугался я,—пожалейте вашу жену!

— Умоляю! Заплатите! Только три порции! Может быть... А вдруг?..

Я заплатил. Бедняге, действительно, дьявольски не везло: он не только не отравился, но даже ни капельки не нарушил равновесия своего организма, хотя съел добросовестно все три порции.

Евграф Дольский

НАУКА И ТЕХНИКА

Как только скажешь:

— Наука,

— то девять человек из десяти сейчас же добавят:

— и техника.

Наука с техникой так и ходят вдвоем, вроде Сиамских близнецов или гоголевских Бобчинского с Добчинским.

Что же такое: Наука?

Ясно: продукт питания.

„Науки юношей питают", (а отчасти и профессоров).

Что такое: Техника?

Техника — это, видите-ли, такое... Например, сломалось машинное колесо, а его—веревочкой подвяжут.

Или можно — мочалкой.

Вот это—техника.

А если вы спросите, куда мы, собственно, гнём—извольте:

> Во всеоружии новейших научных знаний и технических завоеваний, редакция выпускает специальный (28-й) номер „Смехача" —
>
> „НАУКА И ТЕХНИКА"
>
> Тут всякое будет. Перечисляем вкратце:
> То,
> Сё,
> Такое,
> Этакое.

Не упустите видеть!

Полезно для интересующихся самообразованием!!

Потому—каждый должен знать, как, в случае чего, исправить машинку домашним способом.

Да здравствует Наука и Техника!

„Смехач"

ПЕСНИ МАЛЯРА

Над люлькой малярною небо бездонно.
Кисть двухфунтовая движется сонно,
Видно, что трудится парень „поденно".
День бесконечен, минуты так долги,
Труженик воет надрывно „По Волге"...
А после, в экстазе напевных мечтаний,
Грустно поет о неведомой Тане:
— „Эх, ты, Та-а-аня, Таня, Таня,
Та-а-ня, бу-у-улка на сметане!
Взгляды сердце жгу-у-ут.
Д' как тебя зовут?"

. . . .

Тот же маляр, но... работает *сдельно* —
Даже минуты не тратит бесцельно.
Весел, задорен, в работе ретив,
Кисть заплясала под новый мотив:
— „Ходи, Ваня, ходуном,
Сошью шубу с галуном!
Сени новые,
Кленовые,
Решетчатые!

Мих. Андреев

ЛЮБОВНЫЕ ПИСЬМА НАШИХ ДНЕЙ

Ответственный работник. Уважаемый товарищ! Мне некогда прорабатывать с вами тему о любви. Но я полагаю, что и здесь плановое начало должно быть на первом месте. Представьте ваш план нашей супружеской жизни с примерным районированием наших личных прав и обязанностей и изложите вашу точку зрения по вопросу о монополии внешней торговли, о кооперации, о середняке и кулаке.

Завканц. Жили-ли вы с кем-нибудь до революции, после революции—до НЭП'а и после НЭП'а? Если жили — то с кем и с какого и по какой год. А если нет— то почему. Сколько раз изменяла ваша бабушка, и не было-ли среди ее поклонников—помещиков, офицеров, служителей культа и вообще белогвардейцев. Достаньте двух поручителей. Тогда я согласен зарегистрировать наш брак в районном Загсе.

Растратчик. Нелли! Когда я был на свободе, я всегда думал — кого же женщинам и любить, как не нас, растратчиков! И я гордился этим. Но я знал женщин меньше, чем думал. Я разочарован. Я подавлен. За 800 моих червонцев вы могли бы сделать хоть одну паршивую передачу.

Пионер. Сула! Сегодня вецелом глаздане лодители идут отлавляться дулманом в целковь. Меня заплут вместе с коской. Плиходи под окно. Будь готова!

Фельдшер. Варвара Петровна! После нашей вчерашней приятной дискуссии в сквере, гормоны внутренней секреции не давали мне спать всю ночь. Видел вас во сне в таком разрезе, что мозги вверх ногами пошли. Приходите вечером, не бойтесь, как я медик, то еще ни одной гражданке алиментов не устраивал.

Парикмахер. Женщина с миллиардами! Вчера ходил под вашими окнами, как багдадский вор, в ожидании вашего появления, но ваш дворник принял меня за налетчика и сделал мне такой знак зеро, что нынче было стыдно идти на работу. Жду сегодня между 19 и 20 час. у церкви.

Студент. Маня! Жилплощадь есть. Даешь любовь?

Молодой человек в клешах (мелом на заборе). Катька, катись в пивнуху, а нето стекла повышибаю!

Не-Аргус

В СТОЛЕ НАХОДОК.

— Браток, где здесь заявление о потере зонтика подать? Не знаешь, а?

— Эх, ты, буржуй чортов!

— Ошалел? Почему я буржуй, ежели отродясь — пролетарий?!

— Ну, уж знаешь, — пролетарию, кроме цепей, терять нечего!

ГРАЖДАНСКОЕ ДЕЛО

Как-то ночью, лунный диск
Предъявил к поэту иск:
— Уплатите мне, поэт,
За использованный „свет"!
Но поэт заголосил:
Кто тебя светить просил?

Словом, братцы... так сказать...
Диску в иске — отказать.

М. Тименс

КАЩЕЕВ БЕССМЕРТНЫЙ

Больная Михайлова (в Канавинской страхкассе) заявила, что врачи, члены врачебно-контрольной комиссии, были пьяны.

Председатель страхкассы Кащеев—приказал освидетельствовать врачей и, не поверив экспертизе, не признавшей опьянения, заставил произвести у членов комиссии *исследование желудочного сока.*

(Из газет)

Рис. Б. Малаховского

Раньше врачи производили опыты над животными, а теперь — наоборот.

БЕСПРОИГРЫШНАЯ ИГРА

Рис. В. Козлинского

Кумовство еще не изжито. При сокращениях, „свои люди“ остаются, а чужие сокращаются.

— А много вы, Иван Маркович, проиграли на последнем сокращении?

— Что значит — проиграл, когда я, можно сказать, *остался при своих.*

САНДВИЧИ

Рис. Н. Радлова

— Ишь, пьяные... Так и прут гуськом!

— А может быть, — это ходячая реклама Госспирта, потому как им запрещено рекламироваться в газетах.

40 ЛОШАДЕЙ и 8 ЧЕЛОВЕК

ЧТО СЕЙ СОН ОЗНАЧАЕТ?

Газета „Коммуна“, издающаяся в Калуге, в № 92 пишет:

„Юхновский уполитпросвет раздобрился и прислал в деревню Темкинской библиотеке около 6 п. литературы. Но радость деревенских работников оказалась преждевременной. Большинство книг негодны для чтения: напр., „Вещие сны“, рождественские рассказы, соч. Вандервельде и пр“.

Молодцы политпросветчики! И сонник, и Вандервельде прислали.

А интересно знать, есть ли в присланном соннике разгадка поведения юхновских политпросветчиков: „Что сей сон означает?“

ТЕТЯ НАСТЯ И ДЯДЯ ВИТЯ

Ленингр. „Красная Газета“ сообщает любопытную деталь из одного ревизионного отчета:

При частичном обследовании правления трестов «Верхне-Волга-Ока-Лес», между прочим, выяснился следующий факт.

На имя члена правления Клитухина была получена телеграмма: «Дядя Витя, тетя Настя заболела, приезжай немедленно».

Председатель правления треста Милованов, обсудив всю «серьезность» этого дела и всю «важность» возможной для «Волга-Леса» «утраты», накладывает на телеграмму резолюцию: «В виду важности вопроса, командировать тов. Клитухина в Рыбинск и поручить ему попутно осмотреть лежащие близ Рыбинска склады».

Клитухин в командировку поехал и, таким образом, болезнь «тети Насти» обошлась тресту почти в 750 руб.

Заметьте—„Дядя Витя“ открыт при *частичном* обследовании. Спрашивается, сколько ответственных дядей еще скрывается в недрах треста и ждет *полного* обследования?

Выдь на Волгу, чей стон раздается?.. Стыдно, читатель, не знать, что—

это плачут народные денежки!

МЫ ПОНЯЛИ ТАК, КАК НАПИСАНО!

Некий гр-н Травников жалуется на страницах „Бедноты“.

ДРУЖИНУ ОРГАНИЗОВАЛИ, А РАБОТА НИКАКАЯ НЕ ВЕДЕТСЯ.

Год тому назад в дер. Запорожное, Батюшковской вол., Гжатского у., Смоленской губ., был большой пожар, который заставил крестьян организовать пожарную дружину, в которую вошло 30 членов. Волисполком отпустил для дружины несколько касок, багров и ручную пожарную машину. Одного теперь не хватает, что в дружине никакой работы не ведется.

Вишь, черти полосатые! Организовали у себя пожарную дружину, а сами не горят!

Бедным дружинникам приходится околевать от скуки.

ПЛЮШКИНЫ В БРЯНСКЕ

Напечатали мы в № 20 „Смехача“ картинку: стоит этакий большущий советский Плюшкин над машиной и советует маслице экономить. Ну, думаем, зря мы такое пропечатали. Нет таких советских уродов в честной трудовой семье. Заврались мы, дорогие читатели, хватили через край.

И вдруг читаем:

В Брянске комиссия по снижению накладных расходов на одной фабрике решила:

— Экономить — так уж экономить, чтобы небу было жарко.

И урезала все сплошь расходы, где на 8, где на 10 процентов, а на смазочные материалы даже («раззудись плечо, размахнись рука») — на 115 процентов.

Выходит, что не только надо перестать смазывать машины, но еще с них выжать 15 процентов масла.

Стыдно „Смехачу“—переплюнул его Брянск. А почему переплюнул? Потому что—плевать Брянску на экономию...

А Николай Васильевич Гоголь на том свете ухмыляется: недаром, Плюшкина в люди вывел!

ВЗГЛЯД В КОРЕНЬ

У работницы одной из фабрик г. Киржача были от природы скверные зубы. Даже не зубы, а одни корешки. Врач. Контр. Комиссия постановила вставить 13 зубов и предложила гражданке Имярек подготовить срочно рот, иными словами— вырвать корни. По словам „Призыва“—

Гражданка Имярек честно и срочно повырвала все корешки, и рот ее превратился в рот невинного младенца. Тогда-то пришла резолюция Уздравотдела: В виду перегруженности зубврачей, во вставке зубов отказать.

— Вот и все. Серьезные люди в Уздраве: в корень смотрят. — Пущай говорят, так походит. Какая от зубов польза? Одни флюсы!

ВОЗЛЕ НЕРУКОТВОРНОГО ПАМЯТНИКА

Рис. Н. Радлова

С могилы А. С. Пушкина вывезено 60 возов мусора.
(Из хроники)

Тов. Пушкин: А не расчистить ли народную тропу?..

СЛЕДУЮЩИЙ № 28 СПЕЦИАЛЬНЫЙ
„НАУКА и ТЕХНИКА"

РЕЖИМ ЭКОНОМИИ

Проф. Шокальский внес предложение в Академию Наук переименовать Сев. Ледовитый Океан в Сев. Полярное Море. Академия Наук согласилась с доводами профессора.

Да, Ледовитый океан
Постигло гибельное горе:
Был о к е а н о м великан,
И вдруг разжаловали в м о р е !

Яков Годин

ОБИДА

Дачный поезд медленно подползает к деревянной платформе и, постояв минуту, со скрежетом и визгом, чавкая буферами, трогается дальше.

Маракуев и его жена, Софья Никандровна, медленно идут по платформе мимо станционного садика, заросшего пыльной чахоточной акацией, спускаются по трем качающимся ступенькам на землю и сворачивают в дачный поселок.

— Вот здесь, — говорит Маракуев, — Пал Палыч Слягин в пьяном виде художнику в ухо дал. Сосна тут была... У сосны, помню, у самой.

Маракуев оглядывается и в недоумении разводит толстыми, как сосиски, пальцами.

— Была сосна! Срезали, должно быть, идолы!

Он вытирает лоб клетчатым платком и двигается дальше.

Пройдя шагов десять, Маракуев вдруг останавливается снова и весело улыбается.

— Чего ты? — спрашивает жена.

— Березу видишь? У березы он в ухо-то дал... Спутался. С сосной другой случай был: Семена Гаврилыча с сосны пьяного мы сняли, в Ольгин день. Зюзя зюзей!..

— Какие неинтересные все у тебя воспоминания, Константин Иваныч, — говорит жена. — То в ухо, то пьяный. Неужели другого-то в жизни не было.

— А здесь, — продолжает Маракуев, не слушая жену и тыча палкой в сторону покосившейся ограды палисадника, — здесь генерал Свищов на даче жил. Напьется, бывало, и в одном безабелье сидит вот на этом балконе, пиво хлещет.

— Господи! — ахает жена. — До чего допьются! На самой путе. Что-ж полиция-то смотрела?

— Что полиция? Полиция, брат, не милиция! Полиция понимала, кому что. Раз генерал, то почет. Он, может, в сражениях сражался, или триста тысяч украл! Повесит, бывало, штаны с лампасами через перила, а сам в одних исподних сидит.

— Генералы, а хулиганят! — качает головой жена. — Для чего-ж штаны-то?

— Для чина. Чтоб все знали, что генерал. Жили люди!

Маракуев вздыхает, от чего живот его под широким тонким жилетом колышется, как кисель.

— А „Европа“-то твоя где была? — спрашивает жена, задумчиво поворачивая концом зонтика какой-то опорок.

— „Европа“! Может, и дома то теперь уж нет! Сволочи!

Маракуев пыхтит, и маленькие глаза его наливаются кровью.

— И чего ты сюда поехал, Константин Иваныч! — скулит жена. — Тревожишь себя только. Девять лет не был, и вдруг шлея под хвост попала: „Европу“ ему охота смотреть!

— Молчи! Без тебя тошно!

Они двигаются дальше. Маракуев всматривается в лица встречным, качает головой и бормочет:

— Никого нету: чужие все какие-то. Чисто под метелку смели!

Пройдя переулком, Маракуев выводит жену к большому двухэтажному дому

— Во! — говорит Маракуев, и в голосе его слышен хрип. — Смотри!

Софья Никандровна останавливается, таращит глаза и глубоко-глубоко вздыхает.

— Кто-то у них там теперь живет? — говорит она тихо.

— Диспансер. Не видишь, что ль? — огрызается муж.

Маракуев медленно обходит вокруг дома. Жена плетется за ним.

— Здесь вот кабинеты отдельные были, а здесь зала общая.

Маракуев поднимается на цыпочки и силится заглянуть в окно.

— Вам что, гражданин? — сурово спрашивает человек в белом халате, появляясь у окна.

— Я ничего... посмотреть... — отвечает Маракуев и отходит от окна.

— Посмотреть! — говорит человек в халате, закрывая окно. — Смотрят, смотрят, а вчера кружку клистирную сперли.

— Кружку! — сердится Маракуев, уходя от дома. — У них кружку сперли, а у меня, эва, домина какой. И не посмотри!

Он плюется и идет к станции.

— Вот здесь, — говорит он жене, но вдруг машет рукой и ускоряет шаг.

— Чего ты?

— Ничего. Было да сплыло.

— Говорила, не езди: растревожишься, — волнуется жена.

— Как же не тревожиться? Как не тревожиться? — останавливается Маракуев. — Обидели человека! Ежели-б да к моим теперешним магазинам да этот дом... Эх!

Р. Волженин

ДВОЙНАЯ БУХГАЛТЕРИЯ

Работники Ленингр. Губздрава, чтобы проверить постановку дела в Губздраве, самолично производили обследование работы. Обнаружено много бесдельной волокиты. (Из газет)

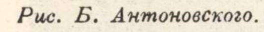
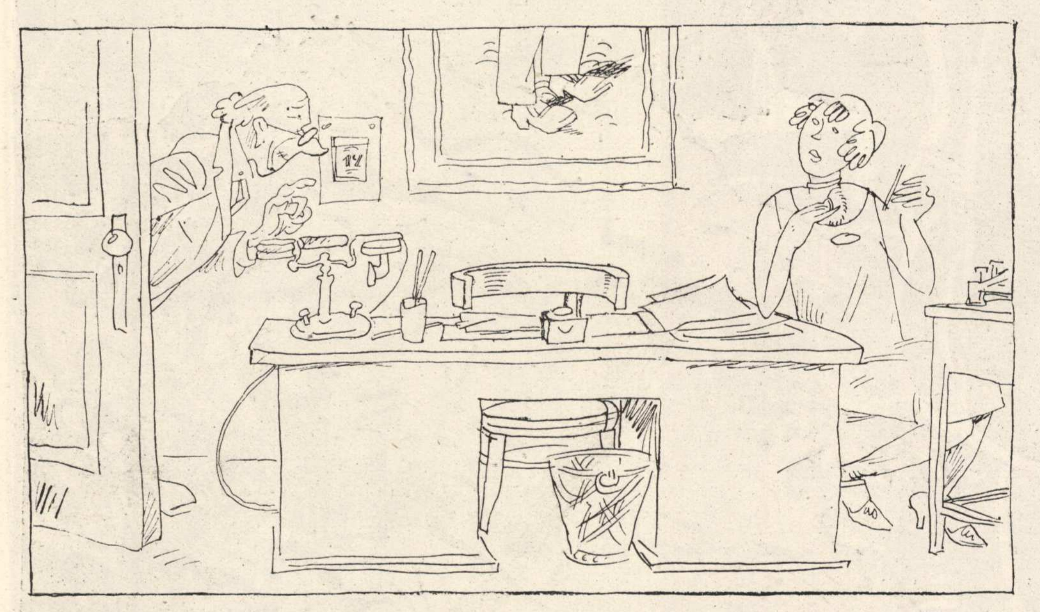
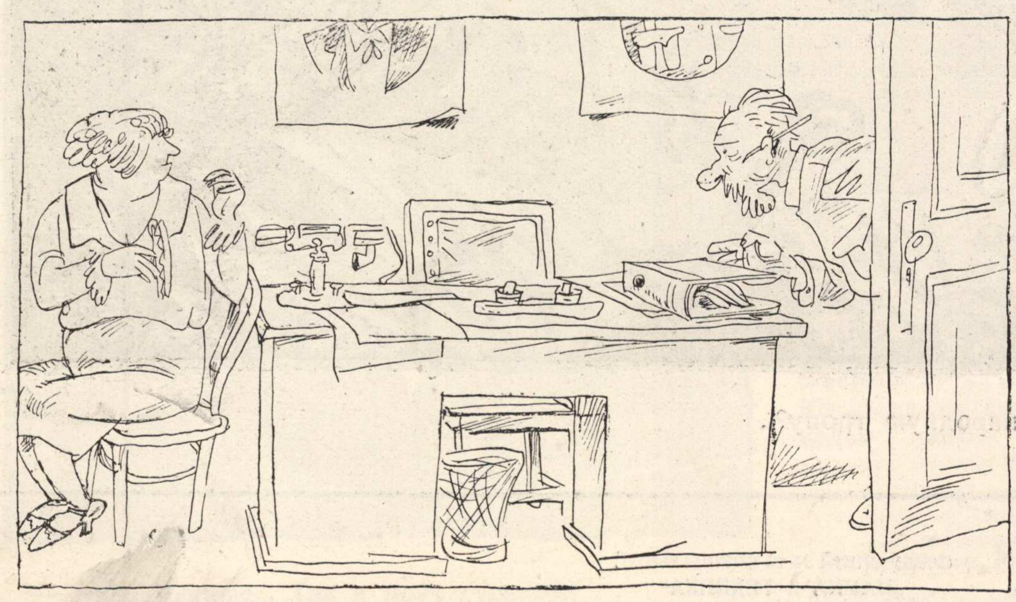

Рис. Б. Антоновского.

— Вам что, Иван Иваныч?
— Ничего. Смотрю, — где Петр Петрович... Погуливает?

— Иван Иваныча-то нету, кажись? Прохлаждается?
— Нету, Петр Петрович. Только что вышел.

МОИ РАЗЪЯСНЕНИЯ ПО ЖЕЛДОРОЖНОМУ ВЕДОМСТВУ

Коль пассажир, почуяв раж,
Вдруг вскрикнет, сжав соседу руки:
— У вас огромнейший *багаж*
В вопросах экономнауки! —
Ты, контролер, крутя усы,
Знай то, что сей *багаж* богатый
Не отправляют на весы
И не берут штрафной доплаты!

К. Ш.

ТАРАКАНЫ В ТЕСТЕ

Хотите приготовить пирог с телячьим ливером?

Вот как это рекомендует делать „Рабочая Газета“ в номере 134:

На сковородке распустить масло или сало, положить мелко нарубленного луку (2—3 луковицы поджарить немного), положить ливер и обжарить. Добавить немного бульона, в котором варился размер пособия до 10 руб. в солить, поперчить, положить рубленого укропа и петруш и.

Но как ни соли и ни перчи „размер пособия до 10-ти рублей“—оно едва-ли увеличится.

Впрочем, мы понимаем, что строчка о размере пособия попала в заметку о пироге с ливером по недосмотру корректора.

Об этой строчке можно сказать не таракан в тесте“, а „таракан в тексте“.

*

Московская „Вечерняя Москва“ пишет:

Что муха — надоедливое животное — это всякий знает. Что муха животное вредное—знают многие. Но как от нее избавиться — знают немногие. И больше всего знают это американцы, которые не пожалели ни денег ни трудов, чтобы найти решение «мушиного вопроса».

Американцы-то не пожалели денег, а вот автор сей заметки пожалел и так и не решил „мушиного вопроса“: он и до сих пор думает, что муха—*животное*.

Должно быть, его укусила муха, иначе он твердо знала бы, что муха—не животное, а насекомое, из которого делают слона.

*

Где должна быть прицеплена брошка: на груди или на спине?

Как держать портфель: в руках или на груди?

Вы думаете—в руках?

Ничего подобного: поэтесса Вера Инбер утверждает, что портфель следует держать на груди.

В Киеве имеются факты, когда больные, которым зашивали незначитель ые раны, умышленно растравляли их и таким образом по три месяца ходили в поликлиники и получали помощь от соцстраха. В результате пришлось прибегнуть к такой мере: на перевязки поликлиниками клалась сургучная печать.

ПОЛЬЗА ПЕЧАТИ.

В „Красной Панораме“ (№ 15) читаем:

И нынче, если нам позволят силы
Преследовать одну и ту же цель,
Мы выжжем грудь, чтобы удобней было
Держать кирку, ружье или портфель

Читательницы „Смехача“, не верьте Вере Инбер, не выжигайте грудь, чтобы держать портфель. Пусть Вера Инбер держит его на груди, а вы, по-старинке, держите ваш портфель или в руках, или под мышкой.

Так—спокойнее, и мальчишки за вами гурьбой не будут бегать...

*

Евгений Собельман пишет в „Бегемоте“ (№ 19):

Погуляли валенки!
На дворе проталинки,
Заблестел галош...
Я смотрю завистливо.
Мне купить немыслимо,—
Номер не найдешь...

Не только номера не найдешь, но и галошу не найдешь, которая была бы мужского рода.

Поймите, Евгений Собельман, раз и навсегда: галоша—женщина!

*

Евгений Собельман находит, что галоша — мужчина, а Вл. Воинов в „Пушке“ (№ 4) уверяет, что ухаб—женщина:

А в это время Бегемоша,
Который вымок и ослаб,
Плывет, как старая галоша,
В одной из дьявольских ухаб.

Чтобы примирить Вл. Воинова и Евгения Собельмана, надо было-бы приведенное четверостишие перередактировать следующим образом:

А в это время Бегемош,
Который вымок и ослабов,
Плывет, как старенький калош,
В одном из дьявольских ухабов.

„А ВЫ ГОВОРИТЕ — КУПАТЬСЯ?!“

О, лето! О, сезон! О, горечь прозябанья
В дыму и копоти, в отраве городов!
Ужель займусь я вновь, без тени колебанья,
Теорией и практикой купанья,
Измызганной на тысячу ладов?!
Блуждай в тиши загаженных садов,
Сдыхай в пыли, обломок мирозданья!
Согласен. Кончено. Мне больше нет ходов...
Я — раб сезонных тем. Я — раб „купанья“.

В Клину, в Москве-ли, в разных Шепетовках,
К „режиму“ будучи по должности глухим,
Купается иной в командировках —
Выходит из воды сухим.

При всех статьях, декретах и указах,
Войдя с надеждою в торговую семью,
Купаются подрядчики в заказах
И — мокрой курицею лезут на скамью...

А трест иной, при планах и учетах,
Оставшись в том, в чем мама родила,
Купается в бушующих отчетах
И тонет в океане барахла...

И лишь один, средь мирт и кипарисов,
Оставив горести в Путиловской страде,
Курортник молодой, Иван Нарциссов
Купается, как следует —
В воде!

Александр Флит

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК „СМЕХАЧА“

Непринятые редакцией рукописи не сохраняются.

39. *Москва, Вл. Димиряеву.*

„Милые губки! Какие вы пышные,
Целовал ли я вас не зря“.

Целовали, может быть, и не зря, а нам зря прислали: об алиментах не надо—завалены алиментами!

40. *Там-же, Ит—ду.* „Вот они, словечки то“.

Н-да уж, знаете...

41. *Казань, Дм. Пят—ву.* Вы пишете:

„Он увидел, что к его дому идет товарищ по службе.
— Марфа!—крикнул он прислуге—скажи *идущему человеку*, что меня нет дома!“

Неясно. Надо бы поподробнее:

— „Женщина Марфа!—крикнул он ртом прислуге—скажи идущему при помощи ног человеку, что меня нет дома“.

Не пойдет.

42. *Ленинград, Я. Ливш—цу.*

„Тярлево. Павловск. Фонтаны
В парке бьют *хладной струей*,
Звенят на террасе стаканы,
Полные *пьяной струей*“.

И что вы подражаете Пушкину?!

Стоит ли добиваться памятника, который все равно сопрут!

43. *Пятигорск, Аафе.* Работайте. Кое-что из присланного недурно.

44. *Киев, Н Т. Ор.* Присланное вами читали в других журналах.

„А ну, повернись, сынку“—спиной к „Смехачу“.

45. *С. Погарщіна, Липо-Долінськiй рай. Роменьск. окр. Грігорію Михайлову Дешко.* От спасібочкі вам, товаріщ, за пісьмо.

Ив. Пр.

Издатель „ГУДОК“. Ответственный редактор А. С. Андрейчик.

Ленинградский Гублит № 16977. Гос. тип. им. тов. Зиновьева. Ленинград Социалистическая, 14. Заказ № 3164. Тираж 80.000.

НАДЬКИН СПАСАЕТ УТОПЛЕННИЦУ

Рис. Б. Антоновского *Стихи Ив. Пруткова*

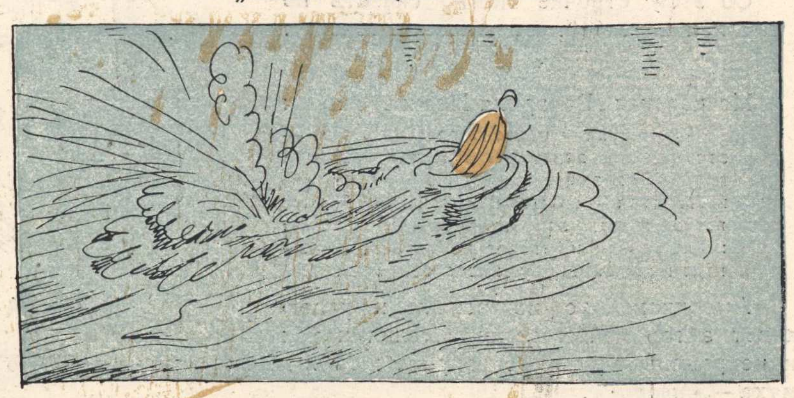
1. Речной прохладою дыша,
Бродил Евлампий, не спеша.

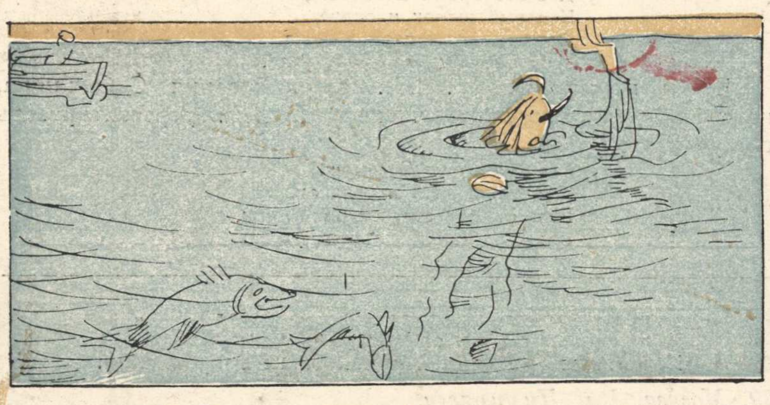
2. И вдруг испуг раскрыл уста:
— „Сигает женщина с моста!!!“

3. Раздеться — миг один! И вот —

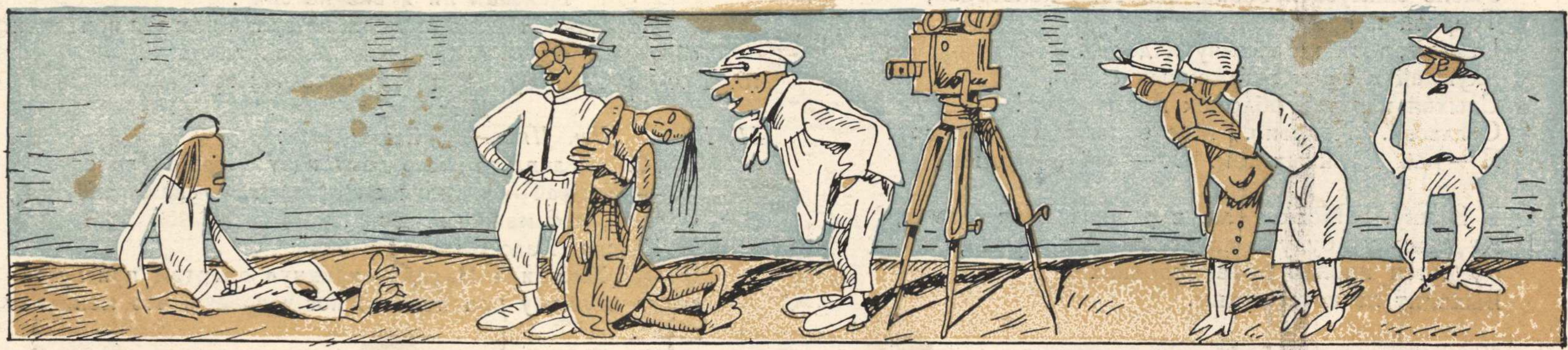
4. Герой на помощь к ней плывет.

5. Сдавило грудь... В глазах темно...
Ах! Надькина влечет на дно!..

6. Спасен! — и шепчет: — „А она?
Ужель-ужель не спасена?!!!

7. Герой, не жди себе наград! —
Под носом — киноаппарат,

И режиссер бормочет в нос:
— „Кой чорт за куклой вас понес!“

8. Смущенный, грустный, весь сырой —
Спешит одеться наш герой.

9. И вот итог: пока он мок,
Одёжу... спёрли подшумок!..